

на Нефедова, а за ним улыбулась и Настя.

Быстро, ловким движением сильных рук, сбросил се на стожирную в углу избы кровать полушубок и обнаружил красивое с большими карими глазами лицо, могучий плечи и высокую под блзой, перехваченной широкими сафьянными ремнями, грудь...

Настя поспешила помочь мужу раздеться. Нефедов ростом, дородством и пригожестью был под стать жент. В избъ было тепло, пахло свежесеченым хлебом, припахивало овчинами, смазанными дегтем сапогами и стоном немощающей ни на минуту дитяти говор, прерываемый лицом раздававшимся сечи старческого кашлем и засоканым бурчаньем старика-отца Нефедова.

Небольшое, на гирьях, без футляра, с нарисованным каким-то красивым цветком сверху циферблата, стальные дешовые часы пробили восемь.

— Всего восемь? удивился Нефедов. А я вхал, вхал... Думаю время къ полночи. Небось ужинали? спросил он.

— Дѣ тамъ ужинать? Чай тебѣ ждали! сказала Настя и вдругъ прислушалась.

— Шибъ, Сергунчик! Перестанте! крикнула она по направлению къ печи. Дѣти не сразу, но замолчали.

— Будто кто прѣхалъ къ воротамъ! заговорила она съ явными признаками безпокойства на красивомъ лицѣ съ нахмуренными бровями.

— Прислушались и слегка обогороженнаго Нефедова. Прошло нѣсколько минутъ.

— Должно показалося—рѣшила Настя.

— То-то! недовольно пробурчала Нефедовъ.—Чего пугаетесь?

— Должно, вѣтеръ! оправдывалась Настя.—Чай вѣтъ хочешь? спросила она, какъ бы желая загладить произвольное на мужа несприятное впечатление.

— Стрѣль! отвѣтилъ Нефедовъ.— Оны не надо, которые въ поле, закрывать! прибавилъ онъ.

— Что ты! что ты! боязливо простовала Настя.— Въ полъ страшно, а на дворъ у насъ собаки злы... оныя, чтобы видно было, ежели кто придет! объяснила она, покосившись на ближайше къ ней обращенное во дворъ окно, запущенное сѣномъ и разрисованное морозомъ самыми причудливыми деревьями и ландшафтами, пропускавшими слабый свѣтъ луны.

Нефедовъ не возражалъ, ириваивалъ за развѣшанное платье и ошарашивалъ толстого мѣша съ провѣнны и гостинцами для дѣтей, а Настя начала готовить ужинъ, часто останавливаясь и прислушиваясь, чѣмъ навозила на себя и на мужа все большее и большее безпокойство.

— Будто сердце что чуетъ! говорила она.

Послѣ ужина, въ которому крихля и охал сѣдлакъ съ печи отецъ Нефедова и который отгласалъ безпрерывной болтовней дѣтей, особенно шумно встрѣтившихъ послѣ картофеля и кашки «зварь» изъ сушеныхъ фруктовъ,—всѣ отправились спать. Старикъ молилъ охоту, охоту и крихля, на печь, дѣти послѣ протѣния старшимъ Сергунчикъ со словъ матери «Отче нашъ», причѣмъ оба выговаривали «Вотче нашъ», потомъ «Вогородицу»—съ визгомъ и криками забрался на широкую, занимавшая чуть не половину избы, палату, а Нефедовъ, прекрестившись и пошвынувъ два два, выказавъ здоровые бѣлые зубы, отпирался было къ кровати, но повернула и сѣлъ около стола, посматривая на Настю. Последняя съ засученными по локотъ руками, съ которыхъ не прошесть еще лѣтний загаръ, убрала со стола. Она была сосредоточенно-угрюма.

— У людей праздникъ Христовъ... Въ церковь, къ утрени пойдутъ, а мы рано волки въ степи... На это Нефедовъ замѣтилъ: — Будя, Настя! — Но фраза жени опять разстроила его...

Дѣти продолжали кричать. Въ другое время Нефедовъ прикрикнулъ бы на нихъ, но теперь онъ словно доволенъ былъ, что они до нѣкоторой степени заглушаютъ ютящуюся въ сердцѣ его тревогу. Да, онъ тревожился.

— Отъ Настя заразили, — думалъ онъ. Конечно, въ сѣбъ этого не было бы, потому кругомъ народъ, а тутъ перерѣжутъ всѣхъ, ничего не сдѣлаешь.

Уравили со стѣла, Настя спустила засученные рукава рубахи, подняла ту же подъ подбородкомъ концы годовного платка, заправила подъ него выбившуюся на лобъ прядь волосъ и, широко расквашивъ взадъ и впередъ, сильными гибкими станомъ, начала молиться Богу.

Нефедовъ въ свою очередь перекрестившись нѣсколько разъ, раздѣлся и улегся на кровать, пригравшись толстыми, шпигнымъ изъ доскутковъ, ватными одеяломъ.

Долго молилась Настя, шепча молитвы и все къ чему-то прислушиваясь.

Наконецъ, сдѣлавъ три земныхъ поклона, слегка ударивъ дѣмъ въ полъ, она потянула лампу и, раздѣвшись, легла рядомъ съ мужемъ къ стѣнкѣ, прикрывшись тѣмъ же одеяломъ.

Дѣти, получивъ грозное приказанье матери спать, еще во время, когда она молилась, успокоились и теперь спали. Тихо послышавъ спалъ и дѣвъ на печи.

Нефедовъ заворочался.

— Не спишь? спросила Настя, положивъ ему руку на шею, точно не желая, чтобы онъ раньше ее заснулъ.

— Развѣ такъ утешить? спросилъ онъ. Ну, чѣпо ты? Чѣво?—тревожно и съ сердечкомъ спросилъ Нефедовъ.

— Не гоже мнѣ, Ваня, чѣво ты хочешь? со вздохомъ проговорила Настя.

— Будя, будя! Спи! Завтра въ село, въ церковь поведемъ... Къ отцу твоему въ гости! успокаивалъ ее мужъ, снимая съ себя ее руку.

Но ни тотъ, ни другой не могли спать.

— Ну, жизнь! прошептала Настя.

На этотъ разъ мужъ ничего не сказалъ. Оба лежали молча. Прошло съ полчаса, и Нефедовъ сталъ было уже забываться, когда Настя толкнула его и сказала:

— Слышь? Собака!

— Собаки... во! побѣжали за воротами! зашамтала испуганная Настя.

Дѣвственно, прежде во дворъ, у избы, а затѣмъ все дальше и дальше, и немощно за воротами, слышались отчаянный лай собакъ.

— Рувъ, рувъ! кого-то! шептала Настя, въ ужасѣ приподнявшись на постели.—Поляки!...

Но не успѣла она докончить того, что хотѣла сказать, какъ раздался выстрѣлъ, потомъ другой—и собаки замолкли.

— Царина! Заступница! прошептала Настя. Что такое?

— Стрѣляютъ! собака поубила! прошептала въ свою очередь Нефедовъ. Теперь онъ дрожалъ съ головы до ногъ крупной, какъ въ злой лихорадкѣ, дрожью.

— Сердце мое чувствовало! Порывъ насъ! только и могла сказать Настя.

Нефедовъ приподнялся и искалъ сапоги.

— Зажитая лампу! Гдѣ у тебя спички? продолжалъ шептать онъ, совершенно потерявшись.

— Что ты? Что ты? чѣпо не крикнула Настя.—Видно насъ будетъ. Убѣгъ. Или топоръ!

И вскопчивъ съ кровати, дрожа всѣмъ большимъ тѣломъ, она подкралась къ выходящему во дворъ окну и стала отсисывать на запущенномъ сѣгомъ и разрисованномъ морозомъ стѣлкѣ, хотя маленькій, въ одну точку, чистый прожекторъ, въ который можно было бы видѣть, что происходитъ во дворѣ. Не найдя въ первомъ окнѣ, она, близкая къ оборочному состоянию, бросилась къ другому и нашла нужный прожекторъ—среди широкихъ листьевъ какого то необыкновеннаго дерева. Она прыгнула къ этому прожектору и замерла.

Межъ тѣмъ, Нефедовъ одѣлся, нахлопнулъ шапку и, полный рѣшимости, направился выйти въ сѣни.

— Стой! Не ходи! въ ужасѣ шептала Настя и снова прыгнула къ окну. Вонъ пролѣзли въ подворотню, шептала она. Собаки проваляты прорвали. О-ох!

— Можеть еще кто изъ своихъ? не то прошептала, не то прохрипѣлъ Нефедовъ, остановившись съ топоромъ въ рукахъ около двери.

— Развѣ свои стрѣляютъ? Господи! Отворили ворота... бѣгутъ! шептала Настя.— Бѣгутъ къ крыльцу...

Она откатулась отъ окна и почти въ ту же минуту на дверяхъ съ крыльца, въ сѣни зашевелился засовъ и послышались громкие, кричащие что-то голоса.

Всѣмъ же, Нефедовъ съ топоромъ въ рукахъ, выбѣжалъ въ сѣни. За нимъ съ воплемъ выскочила Настя. Прислушались дѣти кричали.

— Еще разъ занявшаю на дверяхъ изъ сѣней засовъ, на который заперта была изнутри дверь на крыльцо, съ силою отодвинулъ Нефедовымъ.

Полный отчаянія, Нефедовъ толкнулъ дверь, но она оказалась запертой снаружи.

— Не лѣзь, ежели желаешь жить! крикнулъ съ крыльца грубый, хриплый голосъ и всадъ затѣмъ раздался выстрѣлъ.

— Чѣво разговариваешь? послышался другой голосъ... Пущай выходишь!

Нарочно заперли, чтобы убійства не было...

— А въ поворачиваете! До сѣнъ надо подальше ухѣхъ... Ноизъ онъ молотую купилъ.

— Замокъ виситъ...

— Ломай!

Раздался трескъ дверей сарая...

— Иди! иди! отсѣла! шептала Настя и, вырвавъ у мужа топоръ, который поставила у дверей, съ силой, какую даетъ только отчаяние, потащила, пятавшаго выдти на крыльцо, мужа по сѣнямъ.

Дотавивъ до дверей избы и втокнувъ его въ нее, она вернулась съ топоромъ, заперла отпертую мол мужемъ дверь на засовъ, выала топоръ и рывающимъ голосомъ крикнула:

— Берите по крапости одну!

Въ отвѣтъ на эту просьбу-мольбу послышался смѣхъ.

— Не затѣмъ шли! проговорила тотъ же хриплый грубый голосъ. А ты, баба, мои Бога, ежели однихъ коней да пару овецъ на розговѣе забережъ.

— Побойте Бога! рыдала Настя. Сколько добавились лошади...

— Надо еще въ избѣ кой-чего поглядѣть, тетуха! заговорила опять грубый хриплый голосъ.—Мы тогда отогрѣемъ...

— Топора захотѣлъ? не выдержала Настя. Только сунься!

— Дура ты, баба! раземлялъ хриплый. Спичку подъ крышу, такъ сама выскочишь со всѣмъ своимъ добромъ. А ты выбѣжи, она, да изъ ружья погнучежь, ежели не дамъ чѣго надо.

Послѣ такого отвѣта, полная отчаянія Настя вѣбжала въ избу и бросилась къ мужу, который какъ сумасшедшій метался по избѣ, намереваясь выбить одно изъ оконныхъ въ полую оконъ и бѣжать за помощью въ село въ миру.

— Что ты? что ты? Куда? кричала Настя. Сиди! Хочешь насъ бросить? Объявишь съ полаетъ головы, дѣти ревля. Старикъ, не понимая въ чѣмъ дѣло, качалъ головою и силится сѣзътъ съ печи.

— Надо идти! надо! бормотала, какъ безумный Нефедовъ.

— Неуды, Ваня, теперь итти! говорила Настя, удерживая Нефедова, сожмуть насъ ипо! Прощаемъ... Уходи не надо было.

Слово «сожмуть» точно прибило, ошеломило Нефедова. Онъ сѣлъ и уже не двигался съ мѣста. А Настя, успокоивъ по возможности дѣтей и дѣла, снова заняла свой наблюдательный постъ у окна и видѣла, какъ на парѣ запряженныхъ въ ихъ сѣни лошадей, Киргизъ и Казачъ, съ каждаго валажи въ сѣняхъ, выхлани троѣ грабителей и скрылись за воротами.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ, Палемъ, нарѣй, состояни...

Межъ ними зрѣли и бѣглецы съ бровей вонсеннаго Дона, и въ рыжикъ лавоныхъ еврей, и дикіе сыны степей Калмыкъ, баширскѣ безобразный

И съ дѣвнью-праздной Вездѣ козующий цыганъ...

Тамъ же виднѣлись великороссы, малороссы, белоруссы, поляки, финляндороссы, ольборуссы, поляки, финляндцы и разнообразныя народности Кавказа.

— Что за народъ собрался? такъ и хочется крикнуть Мыррецову, которому приказано ни въ какихъ случаяхъ «не допускать» никакихъ либо собраній на улицахъ, площадяхъ, во дворахъ и даже въ здаицахъ и квартирахъ. И если люди еще живутъ въ домахъ и ходятъ по улицамъ, то это зло, пока лишь терпимое...

Чѣго же ожидаютъ эти люди? Имъ сказано, что въ великому празднику Рождества Христова будутъ розданы подарки, какъ до сихъ поръ за границей дарятъ въ эти дни дѣтямъ.

Такъ вѣдь до дѣти, а эти взрослые, бородатые, даже сѣдые люди. Чѣго же дѣлать! Въ каждой странѣ свои порядки и въ каждомъ государствѣ свое население: въ однихъ люди подчиняются естественному закону вещей—растутъ какъ и все въ природѣ, а въ другихъ—остаются на всю жизнь дѣтями. Говорятъ, что можно задержать ростъ и возмужалость взрѣй и людей искусственно: нужно только острожно подкармливать омько мѣдью...

Но какъ-то въ то ни было, а толпа обывателей ожидала обываннымъ подаркомъ.

И вотъ послышались громкіе крики головосъ внутри зданія, а затѣмъ стукъ скамей и стѣлъ: говорить, что тамъ происходитъ спиритическое сеансъ—летаютъ чернышцы, портфели, дюшеты. Полетѣть бы и стѣла, да

они привичены къ полу...

— Что же тамъ происходитъ? То находившиеся внутри дворца люди спорить между собою—чѣмъ и какъ одарить ожидающую на морозѣ толпу обывателей.

Одни изъ спорившихъ кричали, что надо дать имъ название гражданъ и само собою права, гражданские принадеженія.

Другіе кричали, что названіе это и права—выдумка французская, а намъ права—выдумка русская, а намъ надо жить и дѣйствовать самотытно, безъ попражаній, по свято-русски.

Почему гражданскіе? Отчего не обыватели? Обыватели—это звучитъ гордо! Не прикажете-ли еще дать названіе «ситуаловъ»?

И долго еще они кричали тамъ и наконецъ замолчали: должно быть, отговорились.

Наконецъ, тяжелая дверь раскрылась и изъ нихъ выступили странно одѣтые люди—не то шутами гороховыми, не то огородами шугаами.

На головахъ шапки вродѣ вороньихъ гнѣзды, у бедра, вмѣсто сабли, мѣта и собачій черепъ. Одного звали Пуррышъ, а другого—Морковъ.

Оба они зычно закричали: — А гдѣ здѣсь представителю «державнаго» народа?

Въ отвѣтъ было глубокое молчаніе. — Кто же молчатъ? Кто здѣсь великороссы, великоправославные, великолюди.

— Мученикъ! подсказалъ кто-то сзади стоящій!

— Ну, словомъ, великоросскіе мученики?

Наконецъ великороссы догадались, что зовутъ именно ихъ и выступили впередъ.

— Подцѣлуемъ!

Послѣ лобзаній (гудинныхъ?) Морковъ вытиснулъ изъ-за спины пучекъ розогъ и, подавая его великороссамъ, по имени, сказалъ:

— Вотъ вамъ за вашу вѣрную службу государству! Берегите этотъ

большимъ тѣломъ, рыдала какъ ребенокъ, Дмитрий Волковъ.

Москва.

Въ святочную ночь.

Эскизъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, улыбокъ и сожалѣній, которыми встрѣились сѣдователи стараго княжества, всѣ направившись въ широко распахнутыя срубныя дивреинныя лакемъ двери столовой.

Было неуютно, холодно и скучно. Десктокъ свѣчей массивныхъ бронзовыхъ канделябровъ слабо освѣщала громадную комнату, и громкая дубовая мебель стояла по стѣнамъ неуклюжими, темными громадами.

Разговоръ какъ то не клеился. Сухая чопорность сквозила во всемъ. Сѣдователю было какъ то не по себѣ въ непривычной обстановкѣ. Старшая княжна молчала, только изрѣдка капризно обращалась къ прислугѣ то съ тѣмъ, то съ другимъ и, казаюсъ соемъ не замѣчала сѣдователя.

— Княжна Тамара нездорова... Вы понимаете,—говорила младшая сестра, замѣтивъ неловкость гостя,—знаете, она не безъ странностей...

И она долго еще послѣ ужина рассказывала печальную исторію сестры, показывая ей портреты, урчавшіе темныя стѣны гостининой тяжелыми золочеными рамами, откуда на сѣдователя полуопущеннымъ взглядомъ изъ подъ длинныхъ черныхъ рѣсницъ, глядѣла томная красавица прошлаго.

— Красавица, да,—мелькнуло въ головѣ сѣдователя,—теперь такія не встрѣтишь.

Вглядываясь въ прекрасныя черты лица, онъ ловилъ въ нихъ неясное сходство съ старой княжнкой, и отъ этого вдругъ скваченнаго имъ сходства, казалось, оживалъ портретъ, и какъ то незаметно выжигался въ сознаниі, оставаясь въ мозгу живымъ образомъ.

Тотъ же старикъ, суровый лѣвой проводилъ гостя въ пригосающую ему комнату. Шли длиннымъ рядомъ залъ и гостиныхъ, гдѣ все дышало бѣхостью и роскошью былого величія. Молчаливый строгій лакей, громадные портреты, висѣвшіе по стѣнамъ золоченыя рамы, тяжелая мебель,—все было непривѣтливо и неуютно, томно какой-то тоскою о прошломъ.

Въ отведенной ему спальнѣ было все также холодно и неуютно.

Большая выдѣтная широкая кровать подъ балдахинномъ, слабо освѣщаемая свѣчей, выдѣла чѣмъ-то непривычнымъ, громаднымъ, неужнымъ. Завѣшанный тяжелыми портьерами платной шкафъ, вѣданный въ стѣнѣ, пугалъ неясными тѣнями, таившимися въ тяжелыхъ складкахъ его портьеръ.

Сѣдователь поморщился.

— Чертъ, возьми, тутъ не особенно выспаться...

Неприятное жуткое чувство скопилось по всему тѣлу лихорадочной дрожью. Погасивъ свѣчу и сунувъ по протерѣнной въ чистыхъ раздѣлахъ привѣчь подъ подушку револьверъ, сѣдователь въ постели, оглоломъ лежалъ съ открытыми глазами прислушиваясь и выглядывая въ темную глубину комнаты. Сквозъ частые перелеты окна падалъ яркій свѣтъ мѣсяца, разлитая на полу неясными очертаніями голыхъ суевѣй, плотно прижавшихся къ стекламъ окна.

Въ мертвой тишинѣ было немного жутко и было трудно забыться спомъ. Проходила отдѣльными мгновеньями печальная жизнь старой княжн, отчетливо рисовался въ мозгу образъ томной красавицы, опущенный взглядъ подъ шелкомъ длинныхъ рѣсницъ...

Сѣдователь вздрогнулъ.

— Чортъ знаетъ что... досадливо проворчалъ онъ, поворачиваясь въ постели съ рѣшительнымъ намѣреніемъ крепко заснуть.

Но образъ княжн вылезалъ ярко и не потухалъ въ сознаниі. Томная жуткая тишина, раздражалъ яркіи

символь россійской славы, величія и силы!

Безъ него далеко не уѣдешь по пути усовершенствованія и соревнованія съ другими народами. Велика будетъ силкомъ вѣра въпередъ, то побѣдите его хорошенко, если кто не будетъ саушаться начальства—такъ же вслѣдъ побольше горяченыхъ... Ступайте съ Богомъ по домамъ и передайте всѣмъ и каждому, что вамъ подарилъ Госнода...

— А вы—гремѣль! Пуррышъ, обратился къ малороссамъ: траю-траю вырешай! А?

Гонга, Гонга, Заливнѣй И Романъ Трыслово Изъ могилъ насъ зовутъ На святое дѣло...

Такъ? Не забыли еще Мазепу?

Полно вамъ, мазепинцы, мечтать о неповоротливомъ: что было, то прошло. Не смѣйте собирать на памятники Тарасу Шевченко. Не смѣйте говорить на своемъ нарѣчии, которое есть историческое великоросское. Не носите смукновныхъ шапокъ-мисюръ, сапогъ съ подковками, мержеонныхъ сорочекъ, очинпокъ, плахтъ, лентъ и цѣвѣтовъ... Нате, получайте чапаны, гречушники-шапки и лапти: эта одежда есть признакъ державной націи...

— А вы? гремѣль Пуррышъ, обращаясь къ полякамъ, опитъ нарвите до ласу? Ну, итѣ, извините! Мы вамъ такого задалимъ пѣфедору, что до новыхъ вѣтнѣвѣвъ не забудете, отродѣ Милкевичей! Отрызай! Отъ моря до моря! Ха, ха, ха... А отъ фольварка въ фольварку! Ну, сидите тамъ смироно, и если вы будете подобными Сыромоилъ Сопоцько, то будете очень хороши!

Тутъ Морковъ, отпихнувъ Пуррыша и обращаясь къ финляндцамъ, прорычалъ: — А, добро пожаловать! Все когда блаженной памяти киевскій князь Ярославъ «рубилъ» городъ Ярославль, то наши зѣлоплицы пѣтали: срубилъ городъ въ дѣсахъ, въ коихъ жила чудъ

къ нему красавица княжна...

Слонъ холоднаго ужаса вырвался у сѣдователя. Долгимъ потомъ покраснѣла лобъ. Упало въ темную проулку сознание. Лихорадочно вздрогнувшіе пальцы ступили къ рюкю...

Старая княжна, притворивъ дверцы шкафа, безразличнымъ взглядомъ скользянула по комнатамъ и медленно пошла къ выходу, какъ то странно не отрывая взора отъ окна, утопашаго въ лунномъ свѣтѣ.

Прибжавша на звукъ выстрѣла слуги, иривышши къ ея странному костюмамъ и прогуканымъ, потчительно пропустили ее мимо себя, и бросились къ лежащему на постели безъ чувствъ сѣдователю.

Когда его привели въ чувство и все разсказавши, онъ не остался даже на послѣднюю ночь, и не слушая извѣстнаго, ипшномъ ушелъ на вѣзѣжку.

Вальръ разбудить ямщика и скорѣй заграгать.

Салая въ сѣни, только еще раздражительнѣе шептала:

— Экая адская служба... Только этого еще не доставало... Видѣ убить! могъ, чортъ ее побери,—и уже злобно кричала ямщику:

— Ну, чу, трогай живѣе, Степанъ! Левъ Гумилевскій.

Въ ту полночь дико выла вѣтра. Снѣгъ сыпался съ неба бѣ...

Прохожий убѣгать отъ друга... Принявъ его за мертвеца.

Возвчикъ, полный тайной злобы, Напрасно пасасалъ жалдъ; На темныхъ улицахъ сутробы Холодныхъ вѣтръ наматалъ;

И выль, грозя разрушить стѣны Высокихъ пташкинскихъ домовъ, Бранили громко поименны Погуду, службу и ворговъ. Имъ глухо вторили собаки, Пугливо прычась подъ навѣсъ. Изъ Габбучевскихъ вѣдръ во мравѣ Съ большимъ семействомъ выльзъ бѣсъ,

За ухомъ почесалъ копытомъ, Умыльно повнялъ хвостомъ, Потомъ въ мѣшкѣ, подъ пальцемъ скрытымъ,

Напугалъ гвозди съ молоткомъ, И проворчалъ: «Что думать долго! Дайте, дѣтки, что старо. Вотъ выиска—газета «Волга». Сдари! Взаимѣ ея—«Бюро»

Пробѣмъ «процессій похоронныхъ», А старую въ «союзъ» сядимъ. Бельгидцевъ, къ бѣсамъ благословныхъ,

«Мертвецкой» выиска сънабимъ, А надписъ ихъ возьметъ управа: Вѣдь де-Вильде всѣмъ гласнымъ другъ.

Мнѣ больше нравится, такъ,—привало... Ахъ

попаду въ саратовскую гимназію, то дѣло можетъ выйти не важное. Расправятъ мой кудри утюгомъ, по-жалуй.

Да впрочемъ, и вообще я не чувствую влеченія къ среднему образованию.

Пока что, можно прожить не нуждаясь и съ благопріобрѣтенными познаниями.

И дѣйствительно, какъ послѣ я узнала, если кудри вьются, а шею ровняютъ, то всякое образование излишне.

Напротивъ, отъ полноты знанія кружится голова, глаза устремляются вдалѣ и вблизи плохо видать.

Въ нашемъ магазинѣ есть приказчикъ. Не Богъ вѣсть какихъ знаній, а цѣнный человекъ.

Хозяйка такъ ему и говоритъ: — Ты Иванъ, деру на предмѣтѣ дамского полу. Потому хоть ты и придурковатъ, зато кудрявъ и съ роли смѣлѣе.

Купулану у Иванова было больше старухи и барыньки почтеннѣе лѣтъ. Иванъ закатывалъ глаза подъ лобъ и говорилъ: — Ахъ, мадамъ... И старухи платили ему дорожку.

Когда Ивану предлагали товарищески книжку почитать, онъ говорилъ: — Это намъ ни къ чему. Вотъ же женось съ приданымъ на старухѣ. Домикъ куплю. Въ главное попаду, а тамъ членомъ управы буду, тогда и поучится будетъ самый разъ.

Впрочемъ, я то въ члены управы не собирался, ибо чувствовалъ, что не совсѣмъ пригоденъ къ этому занятію.

Членъ управы, какъ говорилъ нашъ хозяинъ, долженъ быть мягокъ—этимъ качествомъ я обладаю не хуже кого либо другого, ибо былъ весь восковой. И любой белоглазъ могъ бы сдѣлать изъ меня что угодно.

Но зато и голова моя была также очень мягка и гнѣзна.

А у члена управы эта часть гѣла должна отличаться необычайной прочностью. Должна быть такая, которую ничѣмъ не прошибешь.

На старухѣ жениться мнѣ тоже незачѣмъ было, ибо вскорѣ опредѣлилась пенсія для меня въ началѣ, цѣль моего существованія.

Однажды пришелъ какой то толстый, бритый господинъ, набралъ большую коробку разныхъ вещей, велѣлъ положить туда же и меня.

Здѣсь я пережилъ довольно суровое время. Было темно, толкали меня со всѣхъ сторонъ. Но светскіи-ангелочки—всѣ остались въ магазинѣ. Я былъ одинокъ и въ очень невоспитанной компаніи.

Сбоку напирала на меня медвѣдь, слонъ навалился на ногу, а обсызана, по прозванію Пуршигевичъ, безцеремонно усабъ мнѣ прямо на носъ.

Хорошо, что все это довольно скоро кончилось.

Толстѣкъ принесъ насъ къ себѣ. Когда открыли коробку, меня схватили какія то дѣвчца.

— Ахъ, какой прелестный ангелочекъ!—сказала она,—я его сама подымаю на самый вершъ елки, тамъ его самое настоящее мѣсто.

И тогда я все понялъ.

Разъ я ангелочекъ, значитъ, долженъ быть подышенъ на вершинѣ елки, чтобы мною могли свободно любоваться.

Тогда-то во мнѣ родилась гордость. Все, что помѣнилось ниже меня, казалось сверху или смѣшнымъ или уродливымъ.

Еще кое какъ, хотя тоже не безъ чувства превосходства, я снижидилъ къ барышнямъ, хозяйской дочкѣ, которая подысала меня на елку.

Хотя, надой отъ справедливости, была она немного кривобока, сутуловата, рыжеволоса, въ веснушкахъ и прыщахъ.

Остальная публика была очень смѣшна, и мнѣ стоило большіе усилія сдержаться и не показывать азѣвъ толстѣку или его женѣ, пожилой, поджарой дамѣ.

Даму эту я звалъ. Она часто заходила въ нашъ магазинъ и требовала, чтобы съ ней занимался кудрявый Иванъ.

Гдѣ то тамъ, совсѣмъ внизу, прилагали ребятки—младшіе дѣти хозяйки—это была уже совсѣмъ дивная Zubinka, вродѣ нашей обезьяны.

Кривобока они такъ же, были грязны. Бонна едва успѣвала утирать у нихъ что-то подъ носомъ. Очевидно, отъ быстрой движеній тѣлѣ воекъ, изъ котораго они были сдѣланы.

Они очень шумѣли, когда мама была дома.

Когда ее не было, вели себя тише, но тогда на нихъ кричала мамзель Люси, гувернантка, которую они за глаза величали «свая болыа».

Когда жены толстѣка дома не было, мамзель Люси вертѣлась передъ зеркаломъ въ нашей комнатѣ.

На меня она не обращала вниманія, а любовалась собой.

Зеркало попеременно отражало то круглую физиономію съ замѣтными усами, утинимъ носомъ вверху, то шею съ бородавкой, обросшей шерстью, то огромный бюстъ и талию, какъ у слона.

Сколько на нее потрачено воска! Однажды ее засталъ передъ зеркаломъ нашъ толстѣкъ.

— Вотъ теперь попадетъ на орѣхъ свиной бобѣлъ,—подумалъ я,—вѣдь онъ у насъ строгій.

Оказалось, я ошибся.

Онъ подошелъ такъ тихо-тихо, на дѣльчихахъ и обнявъ ее одной рукой за талию.

Она быстро оттолкнула его руку и закричала на него же.

Кричала ему что то о загубленной чистотѣ и объ отдѣльной квардрѣ.

И представьте мое досаду—онъ началъ ее своимъ ангелочкомъ и обещалъ куда-то устроить.

Эта толстѣка съ бородавкой—ангелочекъ: недурное украшеніе.

Значитъ, онъ думаетъ устроить ее гдѣ нибудь такъ же на верхушкѣ елки.

Вообразило, какое нужно для нея дерево и какой канатъ, чтобы удерживать такую тяжесть.

Однако, разговоръ объ отдѣльной елкѣ на этомъ пока оборвался—возвратилась старуха, и мамзель Люси

кинула со всѣхъ ногъ въ переднюю, навстрѣчу ей. Мамзель ждала подарка.

Въ этотъ день всѣ почему то ждали подарковъ.

Дѣйствительно, старуха привезла много свертковъ, коробковъ, коробковъ. Всѣ ее очень благодарили, а позже, когда стариковъ не было, всѣ—и Люси, и горничная, и кухарка бѣлая, и кухарка черная—бранились какъ могли.

Назвали старуху скаредой и вѣдомой, обманли растянуть по двору, на снѣгу, всѣ подарки.

— Пусть собаки на нихъ поугаляютъ.

Едва началось праздничное утро, пошла поздравителн.

Я не думаю, чтобы это были жители только нашего города.

У насъ, кажется, столько людей не найдется, сколько приходило къ намъ поздравить съ праздникомъ.

Хозяйка сначала давала поздравителямъ крупное серебро, потомъ мелкое, потомъ крупную мѣду, потомъ мелкую. Затѣмъ ухватилъ, что мелкія всѣ вышли, потомъ бранился. Въ концѣ концовъ поставилъ въ двѣркахъ, въ помощь швейцарю, дворника—объявлять, что господа «убьихами». Наболевъ настойчивѣе въ исполненіи долга поздравителн все же прорывались въ переднюю.

Швейцарь и дворникъ гнались за ними по пятамъ, и въ передней происходилъ такой разговоръ.

— Человекъ, честь честью, пришелъ поздравить... — Тебѣ говорить, дома нѣтъ. — Какъ, значитъ, отъ всего усердія, на многи лѣтъ... — Уходи, добрый человекъ... — По христианскому, значитъ, обычаю, а тутъ фаранья... — Разъ это модель. Подайвай хозяйка... — Или, займись поспѣй. — А, прятаться, сволочь толстопузая, тутъ, значитъ, по христианскому усердію... — Тамъ, Гаврило. — Подойди подъ зебры, Семенъ. — Онъ, ой... — Когда вытолкали послѣдняго поздравителя, пошелъ визитеръ. Сначала шелъ солидный визитеръ, отменно възвѣдный, и долго не засиживался. Встрѣчая выстроившихся въ рядъ поутромъ: толстѣкъ, старуха, дочка рыжеволоса Надя и мамзель Люси. Всѣ были выпущены, нахрапомъ, подпунту. Юбки шуршали торжественно и строго.

Хозяйка брала гости подъ руку и говорила: — Прощу. — Повторите съ дорожки. Но съ отказывался.

Потомъ пошелъ гость не столь церемонный, разговорчивый и на ногахъ не твердый.

Говорилъ все больше о томъ, какъ было хорошо въ старину и плохо теперь. Нашъ толстѣкъ оказался самымъ несчастнымъ человекомъ.

— Налогъ одинъ забѣлъ—жаловался онъ—куда ни уснешь, все плати. А за что, скажите на милость, мы же городу доходъ приносимъ, черезъ насъ торговпромышленность процвѣтаетъ.

— И если бы чужое было, а то все свое до нищички. Попросе раньше было. По божьски жили. Земля, скажемъ тебѣ нужна, берн, не стѣняешь, потому она матушка, даръ Божій. Въ четырехъ мѣстахъ а себѣ облюбовалъ и шесть домиковъ, вишь, выстроилъ. И вдругъ пошло утѣшеніе отъ жестококопца. Землю больше не брать, а налоги плати. За што, ахъ Господи! Вѣдь это денной грабскѣй. За свою землю, за свои дома—вынь да выхлопъ. Одно слово—обуза.

— Опять же желтокопонецъ въ Думу пошелъ. Природному аупцу житья не стало. За душой алтынъ, а пороватъ городомъ завладѣла. Я, говорившій, начитанъ. Мы сами теперь начитаны. Для дочкѣ, къ примру, мамзель завели и все прочее, швейцаръ въ передней и роль въ угу. Не безъ понатѣвъ, значить, и при кашитахъ.

— Да врутъ, споконаете, придутъ къ намъ съ повинной. Вонъ, нашъ толстѣкъ—Итеръ. И то тамъ, братъ, теперь желтокопонецъ такой пошелъ—услужавушій.

— Капиталъ, говоритъ, первоее дѣло, тутъ тебѣ вся философія и моральная ахмия съ анатоміей.

Къ вечернимъ визитерамъ дамы не выходили, встречались одинъ хозяйка, а для порядка въ передней торчалъ швейцарь.

Хозяйка обнималась съ гостемъ, цѣловалась въ щекъ и оба брели въ бѣфуту, любовно поддерживая другъ друга. Иногда гость огорча лѣвъ цѣловалась съ швейцаромъ, а хозяйка ташилъ къ бѣфуту его шубу.

Толстѣкъ былъ доволенъ праздникомъ и говорилъ: — Вотъ и слава Богу, дождались праздничка. Все по хорошему, по семейному, какъ въ первыхъ домахъ. Тебѣ и визитеръ, и елка съ ангелочкомъ, а при дочкѣ мамзель, а въ угу роль, а швейцаръ въ передней. Все по хорошему.

Потомъ у него вышло немного снае.

— На елкѣ роль, а при дочкѣ швейцаръ, а ангелочекъ съ мамзелью.

Поздно ночью, швейцаръ и дворникъ вынесли на рукахъ послѣдняго визитера. Толстѣкъ, плавно поначиваясь, ушелъ въ кабинетъ, и домъ охватывала тишина.

Я хотѣлъ было закончить свой дневникъ, какъ вдругъ снова изъ кабинета вышлалъ толстѣкъ.

Былъ онъ уже во всемъ обломѣ и даже безъ сапогъ—въ однихъ чулкахъ. Балансирова между стѣной, мѣбелью и елкой, пробрался онъ всецѣлой стѣной въ дальнюю двѣр, которая вела въ комнату мамзели.

— Должно быть, пошелъ пристрѣлывать ее на елку,—подумалъ я,—хоть-потъ то ему будетъ сколько. Вѣдь я за крыльцями подвязанъ, у ней ихъ нѣтъ. Какъ это онъ устроитъ сеѣ.

Вдругъ откуда то вырвалась старуха.

— Ты, што, полношникъ,—куда это прешь въ такомъ видѣ? — Я значить, матушка, вотъ,—

онъ упилился на меня остановившимся взглядомъ,—вотъ на ангелочка посмотрѣть, потому такой прелестный и все какъ въ лучшихъ домахъ. Тутъ тебѣ и елка, и фортуны при дочкѣ, и мамзель на шнурѣ... Все честно, благодарно, по семейному.

Но старуха не слушала. Схвативъ толстѣку за шнурскѣ рубашки и плетая его своей тѣлѣй по жирной и красной лѣсивѣ, гнала обратно въ кабинетъ.

Тавъ закончили мы первый день праздничка.

П. Медвѣдевъ.

Телеграммы

(Отъ С.-Пет. Тел. Агентства). 22 декабря.

По Россіи.

ПЕТЕРБУРГЪ. Госуд. Совѣтъ. Продолжительная пренія вызвала внесенная въ стѣтъ 23 дополнительная поправка Гурко, предложившаго распространить дѣйствіе разматриваемаго закона на торговля заведения, не имѣюща наемныхъ служащихъ, гдѣ торгуютъ только въздѣвъ и члены его семьи. Въ преніяхъ участвовали министры торговли и Козаевскій, высказавшійся противъ поправки. Поправка отклонена. Всѣ остальные статьи и отѣлы законопроекта приняты въ редакціи комисіи съ незначительной поправкой Таганцева и дополнительной поправкой Гримма къ отѣлу седьмому, предложившаго изданныя въ сельскихъ мѣстностяхъ обязательныя постановленія и нѣтъ существующія въ этихъ мѣстностяхъ отменить по истеченіи года со дня обнародованія настоящаго закона.

Слѣдующее засѣданіе 9 января 1913 года.

Увольненія и перемѣщенія губернаторовъ.

ПЕТЕРБУРГЪ. Нижегородскій губернаторъ Хвостовъ увольняется отъ службъ по прошенію. Гродненскій губернаторъ Борзенко перемѣщается въ Нижній-Новгородъ.

22 декабря Государю имѣть представиться композиторъ пианинер-генералъ Кюи, поднесшій Его Величеству экземпляръ оперы «Красная палочка», посвященію Насладнику Цесаревичу. 21 декабря, Государынь Александрѣ Феодоровнѣ имѣлъ счастье представляться императору московскій Малярскій.

ПЕТЕРБУРГЪ. 22 декабря Совѣтъ министровъ одобрилъ представленное военнаго министра объ обращеніи возникшаго при станціи Армы ташкентской ж.-д. поселка въ беззвѣздный городъ.

Штабомъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи получена слѣдующая телеграмма отъ командира 27 пограничной орыанской бригады: 20 декабря въ десять час. вечера между поселкомъ Буаганъ и Басабатъ произошла перестрѣлка съ контрабандистами. Убитъ рядовой булаганскаго отряда Деметрѣевъ. Контрабандисты скрылись и унесли винтовку убитаго. У контрабандистовъ убито двѣ лошади, задержано шесть мѣтъ контрабанды.

Совѣтъ министровъ одобрилъ въ внесенно въ законодательныя учрежденія законопроектъ объ установленіи ответственности за безмятежное потребление сытныхъ припасовъ и напитковъ и безмятежное пользованіе помпѣвнѣемъ и личными услугами.

Редакторъ «Русской Мовлы» привлеченъ по пункту третьему статьи 1034 со знакомъ четыре за статью въ номерѣ 14 «Отрывные листки».

Морскій министръ орловскій издалъ отчетъ за 1912 г. о состояніи лодманской части. Въ отчетѣ указывается, что мѣрпріятія по отношенію къ лодманскому малочному вѣдству въ Финляндіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Русскіе лодчанѣ въ короткій срокъ справились съ трудными условіями службы, несмотря на бойкотъ и другія выступленія финляндцевъ. Успѣшная дѣятельность министерства въ указанномъ направленіи доказывается статистическими данными за послѣдніе десять лѣтъ о числѣ аварий. Отчетъ отъясняетъ, что таможенныя доходы значительно превысили прошлаго года. Ввозъ достигъ огромныхъ размѣровъ, несмотря на прекращеніе въвоза въ затрудненія.

ПЕТЕРБУРГЪ. Отправлены на 500 руб. редакторы «Троизъ» и «Правды».

Учебнымъ отѣломъ министерства торговля разрабатывается и въ ближайшемъ будущемъ поступитъ въ законодательныя учрежденія законопроектъ объ улучшеніи матеріальнаго обезпеченія преподавательскаго персонала среднихъ и низшихъ коммерческихъ учебныкъ заведеній вѣдомства.

Прибылъ управлюющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Макаковъ.

Сегодня на великовѣсткомъ благотворительномъ базарѣ въ дворническомъ собраніи скоропостижно скончался состояній при Государынь Маріи Феодоровнѣ князь Оболенскій.

Приговоры по дѣлу саперныхъ офицеровъ.

ТАШКЕНТЪ. По дѣлу саперныхъ офицеровъ приговорены командиры—бatalьонный Ерачевъ и ротные Шейбѣвъ и Голдескій, младшіе офицеры Лысенко и Хохлачевъ въ исполненію со службъ и заключенію въ крѣпости на годъ и четыре мѣсяца безъ ограничения правъ съ ходатайствомъ о смягченіи наказанія Ерачеву, Шейбѣву, Хохлачеву и Лысенко; офицеры Цыгановъ, Медвѣдевъ, Соловьевъ и Федченко оправданы. Дѣло подполковника Ефимова, въ виду медицинскіихъ экспертизъ, выдѣлено.

ПЕТЕРБУРГЪ. Оведомительное Бюро упомочено записать, что газетная сообщенія о предстоящей отъѣзду министра торговли Тамашева лишены основанія.

Награждается Бѣлымъ орденомъ председатель департамента московской палаты Домашевскій-Послякъ по случаю пятидесятилѣтня службы.

Объявляется Высочайше благоволеніе управлюющему петербургскій судовой казною Шумахеру.

Переговоры о мирѣ.

ЛОНДОНЪ. Послѣ совѣщанія послѣднѣе делегаты департамента иностранныхъ дѣлъ. Общее настроеніе въ пользу отсрочки засѣданія. Результатомъ явилась прос-

ба турокъ объ отсрочкѣ до понедѣльнаго Балканскіе делегаты согласились. Слѣдующее засѣданіе 24 декабря въ 4 часа дня.

— Въ началѣ засѣданія конференціи турецкіе делегаты внесли заявленіе: «Предлагаемъ для аріанопольскаго вилаета слѣдующее испривленіе, являющееся новой территориальной уступкой: проектируемая линия начнетъ отъ старой границы, пойдетъ рѣкой Ардой до соединенія Арды съ притокомъ Сючючюлюк, откуда граница пройдетъ къ озеру Гирюрюгелю, вѣду на направленію, установленному военными делегатами. Турція уступитъ великимъ державамъ права на островъ Критъ, съ условіемъ, что будущій режимъ острова будетъ установленъ державами, и союзники не будутъ требовать иныхъ острововъ. Делегаты союзныхъ государствъ отъяснили, что сожалѣть, что турки не считаютъ съ результатами войны. Делегаты считаютъ себя выразѣть протестъ переговоровъ. Желая, однако, доказать свои примирительныя стремленія, союзники просятъ турецкихъ делегатовъ сдѣлать въ понедѣльникъ въ четыре часа предложеніе, содержащее: 1) отказъ Турціи отъ права на островъ Критъ, 2) уступку Эгейскаго острова, 3) проектъ такой границы въ аріанопольскомъ вилаетѣ, которая оставитъ г. Аріанополь союзникамъ. Турки заявили, что отъяснить въ субботу.

ЛОНДОНЪ. «Агентству Рейтера» сообщаютъ, что Греція соглашается ограничить свои права на занятые ею острова близъ Дарданеллъ съ обязательствомъ не пользоваться ими какъ базисомъ для военныхъ операцій, если великая держава поставитъ такое обязательство условіемъ передачи острововъ Греціи. По свидѣаніямъ корреспондента «Петербургскаго Агентства», совѣщаніе послѣднѣе дѣйствительно предположило такое ограниченіе, равно какъ и сртые турпленіи острововъ Самофраки, Имбросъ, Лемносъ и Тенедосъ.

АФИНЫ. Изъ достовернаго источника сообщаютъ, что четыре большіе военныхъ турецкихъ судна вышли изъ Дарданеллъ въ 7 час. 30 м. утра. Грецескіе и турецкіе флоты обмѣнялись выстрѣлами. Впередѣ шли миноносцы. Подробностей нѣтъ.

БЪЛГРАДЪ. Въ правительственныхъ кругахъ предполагаютъ, что Турція соглашается на предложеніе союзниковъ, но, по точнымъ свидѣаніямъ изъ Константинополя, положеніе войскъ за Чаталджой крайне тяжело.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Совѣтъ министровъ телеграфировалъ въ Лондонъ, что Турція настаиваетъ на оставленіи за Турціей Аріанополь и Эгейскій острововъ. Относительно турецко-болгарской границы сдѣланы незначительныя измѣненія. По нездоровью Бѣлымъ-паша покинулъ засѣданіе на 4 дня, что дало поводъ слуху объ его отъѣздѣ. Слухъ опровергнутъ.

ВНА. Подъ предѣлѣмъ нестому Бертольда состоялось совѣщаніе министровъ, завлѣвшее вопросомъ о покрытіи военныхъ расходовъ, связанныхъ съ исключительнымъ политическимъ положеніемъ. Военный министръ давалъ подробныя объясненія о приведеніи въ исполненіе мѣръ, принятыя съ согласія обоихъ правительствъ. Сумма расходовъ точно опредѣлена совѣщаніемъ.

АФИНЫ. Сообщеніе морского министерства подтверждаетъ выходъ турецкой эскадры въ составѣ «Меджидіе», «Гамидіе» и шести истребителей. Турки продвинулись впередъ немного, но удались отъ форта Сидельбархъ. «Меджидіе» пошелъ на западъ Тенедосъ и произвелъ нѣсколько выстрѣловъ по крейсеру греческимъ истребителямъ, которые отъяснили. Турки, замѣтивъ приближеніе другихъ истребителей, возвратились въ пролилъ. Около полуночи «Меджидіе» и «Гамидіе» снова продвинулись на западъ Тенедоса. Послѣ получасоваго перестрѣлки съ греческими миноносцами, замѣтивъ появленіе на горизонтѣ флота, турки поспѣшно ушли въ пролилъ.

СОФІЯ. Въ правительственныхъ кругахъ не вѣрять въ благопріятный исходъ переговоровъ. Полагаютъ единственными средствомъ добиться уступокъ Турціи—поставить ультиматумъ и прервать переговоры. Въ настроеніи общества замѣчается рѣзкій поворотъ. Со дня на день ожидаютъ возобновленія военныхъ дѣйствій.

БЪЛГРАДЪ. Офиціозная «Самоправда» по поводу созданія автономной Алабани говоритъ, что Австрія и Италия приобѣтаетъ въ крайнемъ средствѣ и не заботится о серьезныхъ послѣдствіяхъ. Сербія потеряла терпѣніе и не можетъ допустить, чтобы послѣ Куманова, Прилепа, Велеса и Монастыря тысячъ сербовъ попали подъ власть дикихъ албанцевъ. Прокторъ австрийскій правительствомъ границы Алабани произвелъ здѣсь благопріятное впечатлѣніе. По слухамъ, проектъ поддерживается Франціей и Англіей.

ВНА. «Fremdenblatt» выражаетъ надежды на скорое восстановленіе мира, который необходимо Австро-Венгріи въ виду ея политическихъ и экономическихъ интересовъ. Австро-Венгрія особенно энергично настаивала на прекращеніи вѣропроданія на Балканахъ и впередъ будетъ къ этому стремиться.

ЛОНДОНЪ. По свидѣаніямъ агента «Рейтера», засѣданіе конференціи было отсрочено председателемъ совѣщаніемъ Поваковичемъ въ виду просьбы Ремаидиана, заявившаго, что турки ожидаютъ новыхъ инструкцій; съ другой стороны, турецкіе делегаты заявляютъ, что ими получены самыя категорическія инструкции, но они согласились на предложеніе объ отсрочкѣ до понедѣльника, дабы дать балканскимъ делегатамъ время обдумать положеніе.

Несмотря на заявленія союзниковъ и турокъ, объ отсрочкѣ рѣшима ничего не уступать изъ поставленныхъ условій. Несмотря на увѣренія союзниковъ, что война возобновится, если въ понедѣльникъ турки не согласятся на уступку Аріанополь и Эгейскій острововъ, здѣсь считаютъ возобновленіе войны маловероятнымъ въ виду рѣшенія державъ поддерживать миръ; полагаютъ, что совѣтъ уступитъ, преподаные Турціи, возмѣнятъ силу; возможно, что уступ-

ки будутъ сдѣланы не сразу.

ШПЕГЪ. Командующій черногорскіимъ войскомъ подъ угрозой конфискаціи имущества въ пользу государства объявилъ бѣжавшимъ и сражающимся въ Скутари алабандъ Рокъ и Малески вернуться въ течение десяти дней по домамъ.

Катастрофа въ воздухѣ.

ФЕАНЪ. Авіаторъ Дежарсъ съ механикомъ Мале упалъ въ море съ гидро-аэронавтомъ. Мале утонулъ, Дежарсъ спасенъ.

МЮЛЬГАУЗЕНЪ. (Эльзасъ). На аэродромѣ въ Габельмѣ авіаторомъ Фальеромъ на биланѣ военнаго типа совершено полетъ съ пятью пассажирами длительностью 1 часъ 6 минутъ 5 секундъ. Установленъ мировой рекордъ полета съ пассажирами.

РИМЪ. Имя короля внесено въ избирательныя списки избирателей по Риму.

ПАРИЖЪ. Муниципальный совѣтъ большинствомъ 67 противъ 8, высказался въ пользу законопроекта о приобѣтении государствомъ укрѣпленнаго кама въ окрестности Парижа и превращенія такового въ санитарную зону, съ устройствомъ парковъ, пашадѣй и площадокъ для игръ.

Кораблекрушеніе.

ЛЬО-ПОРТЪ-НЮСЪ. (Штагъ Виринія). Пароходъ «Калювакъ» затонулъ въ бухтѣ Чизапикъ. Погибло тринадцать челъ.

ВНА. «Согг. Виг.» опровергаетъ газетныя сообщенія о происхожденіи будто безпорядкахъ антидинастическаго характера въ деревнѣ Рудавка въ Галиціи.

БЕРЛИНЪ. Скончался бывший начальникъ генеральнаго штаба генерал-фельдмаршалъ графъ Шаффнеръ.

НЬЮ-ІОРКЪ. Тафтъ высказался за переносъ вопроса о тарифѣ за проходъ черезъ Панамскій каналъ третейскому суду въ Гаагѣ.

БЕРЛИНЪ. По сообщенію «Вольфа», кандидатомъ въ министры иностранныхъ дѣлъ считается посолъ въ Римѣ фонъ-Ягловъ.

Обзоръ печати.

Великая побѣда науки.

Въ своей послѣдней статьѣ «Изъ области науки» въ № 295 «Русск. Вѣд.» Н. С. приводитъ чрезвычайно интересныя свидѣанія объ опытахъ Карреля по выращиванію и консервированію животныкъ тканей «въ срединѣ». Одинъ изъ директоровъ Рокфеллерскаго научнаго института въ Нью-Йоркѣ, Каррель достигъ поразительныхъ результатовъ и получилъ за свою работу нобелевскую премію по медицинѣ. Каррелю удалось выяснитъ, что распадъ и гибель животныкъ тканей обуславливаются лишь появленіемъ ядовитыхъ продуктовъ обмена веществъ, что—

стоитъ только устранить тѣ условия, при которыхъ происходятъ упомянутыя ядовитыя продуктовыя и тогда при надлежащемъ обновленіи питательной среды и развитіи тканевой культуры будутъ обезпечены на неопредѣленно долгое время.

Эта гипотеза получила подтвержденіе послѣ того, какъ Каррелю удалось выработать способъ промывки тканей. Прежде культуры тканей частію погибали не позже 15—20 дней, теперь ничего подобнаго не наблюдается.

Эффектъ послѣдовательныхъ пересадокъ съ предварительной промывкой оказался поразительнымъ: выращиваемыя ткани подолжались многократно (30—40) пересадкамъ, оставались при этомъ цѣлыми мѣсяцами (2—4) вдали отъ физиологическихъ силъ и жизнедѣятельности, какъ и въ первоначальной культурѣ, энергично разрастались (некоторые образцы соединительной ткани увеличивались въ теченіе 2—3 мѣсяцевъ въ 10—15 и болѣе разъ), не обнаруживая за все время жизни существующихъ даже намековъ на старѣніе, утраты жизнеспособности или старости, составляющихъ изъ животныкъ элементовъ и вообще не проявляя ни малѣйшей тенденціи къ умиранию. Правда, и эти живые стойкія культуры мѣрдо погибали раньше или позже, но гибель эти, какъ показалъ вслѣдствіе, вызывалась обыкновенно не какими либо внутренними условіями жизни культурныхъ тканей, а случайными микробными зараженіемъ, отъ котораго не всегда удавалось уберечься при пересадкѣ.

Особенно интересенъ опытъ съ частіями сердечной ткаи зародыша диплоидка.

Въ одномъ изъ такихъ опытовъ (начать отъ 17-го января этого года) маленькій кусочекъ мускулатуры, вытѣй изъ сердца 7-дневнаго зародка, должи тѣлѣ началъ ритмически сокращаться, пульсировать, дѣла въ минуту до 120—150 ударовъ, которые затѣмъ уже не прекращались и были настолько сильны, что приводили въ сотрѣсеніе всю культуру среду.

Послѣдовалъ рядъ пересадокъ и промывокъ—и сердце тѣвъ жила и въперочку функционировало. Т. ритмически сокращалось, до 1-го мая (въ общемъ около 3 мѣс. пол. мѣсяца), когда при очередной пересадкѣ (35-й по счету) она была случайно раздѣлана, благодаря чему тотчасъ же и умерла.

Н. С. облюи огромное практическое значеніе опытовъ Карреля, отъясняетъ тотъ неожиданный теоретическій выводъ, къ которому приводитъ ошты.

Какъ мы видѣли, тканевыя культуры могутъ жить и развиваться при благоприятныхъ условіяхъ непреодолимо долгое время. Если бы и умѣли, то это всегда происходило отъ тѣхъ или другихъ случаевъ, какъ являлись вредныя вліянія, а не по какому-либо внутреннему приращиванію, роковымъ образомъ обнаруживающія ихъ ранней или позже на смерти,—и значитъ, послѣдствія роста не являются для нихъ вредными и губительными. Другими словами, клеточныя элементы и образующія ими ткани потенциально безсмертны (курсивъ Н. С.), т. е. могутъ быть безсмертными. Что касается живого организма, то есть полное основаніе думать, что онъ способенъ, увидѣвъ, старѣнія и умираетъ по тѣмъ же самымъ причинамъ, что въ несовершенствохъ насъ тканевыя культуры.

Опытъ Карреля открываютъ такіимъ образомъ медицинскіе новые пути для борьбы со старостью—болѣзнь, далеко опережающее то, что намѣтилъ И. И. Мечниковъ, подомешій въ этомъ вопросу съ другой стороны.

Новый министръ.

Еще Н. А. Макаловъ не успѣлъ основаніе въ Петербургѣ, а «Нов. Вѣд.» и «Бирж. Вѣд.» ушли уже всѣмъ даннымъ за и противъ, причемъ, конечно, за одержавъ побѣду надъ противникомъ. Касаясь усердія этихъ двухъ довольно близкыхъ другъ къ другу газетъ, О. Л. Д'Орь напечаталъ въ «Дѣлѣ»

довольно любопытную пародію на статьи и «Нов. Вѣд.» и «Бирж. Вѣд.».

«Новое Время» пишетъ О. Л. Д'Орь,—подавивъ вздохъ (хотѣлъ Христова войти въ посты министра), освѣдился, подолжъ къ члѣву новаго министра и подолжало съ прѣзрѣномъ.

«Меньшиковъ, какъ всегда, выстуилъ впередъ и началъ: — У его высокопревосходительства Н. А. Макалова много плавовъ. Первый плавъ—это молодость. Давно уже доказано, что урды и отпавы молодости лучше, чѣмъ каковыя бы неостыниаго старости. Второй плавъ новаго министра — университетское образованіе. Университетъ не лицей, гдѣ имѣютъ большое поаніе о балетѣ и нѣзлого поанія о народѣ» и т. д.

Я дѣше читать не ставъ, т. к. вспомнилъ послѣдователь съ прѣзрѣномъ Макалова. Третья Меньшиковъ плавалъ: — У его высокопревосходительства много плавовъ. Первый плавъ — онъ не молодъ. Мудрая опытная старость и т. д. Второй плавъ—онъ не учился въ университетѣ, гдѣ стѣны пронизаны революціей. Какъ бы любилъ Соловьевъ правыхъ, а затѣмъ революціи вслѣдствіи тогда отъ него слышались. Въ этомъ виноватъ университетъ» и т. д.

Это—по части вѣдѣншей, а вотъ «Бирж. Вѣд.» по части внутренней.

Въ «Варшавскѣхъ Вѣдомостяхъ» никакъ мнѣнй не высказывали, а ограничили лишь тѣмъ, что похвѣли въ газетѣ карикатуры съ натуры подъ названіемъ «Какъ живетъ и работаетъ новый министръ внутреннихъ дѣлъ». Вотъ эта карикатура съ натуры: — Н. А. Макаловъ ложится въ 5 часовъ утра, но въ 5 съ пол. утра онъ уже снова за своимъ письменнымъ столомъ.

Росскіи синтъ, по министру внутреннихъ дѣлъ болелъ.

Въ 6 часовъ министръ вынимаетъ чашку кофе и сдѣлать вѣбольшой кусокъ чернаго хлѣба съ масломъ.

Въ 6 съ половиною подаетъ чай. Н. А. Макаловъ вынимаетъ стаканъ чаю въ наливку и сдѣлать второй кусокъ чернаго хлѣба съ масломъ.

Въ 7 часовъ, а въ 8 подаетъ первый завтракъ. Министръ, такъ сказать, завтракаетъ наскоро. Пара яидъ въ золотой оправѣ, кусокъ ростиба съ инкрустаціей а чашкѣ шоколаду.

Въ десять минутъ пьетъ чай съ соевой сливкой, а въ часъ парадный завтракъ.

Обыкновенно къ завтраку приглашаются супруга министра, кто нибудъ изъ знакомыхъ или изъ понравившагося министру протестель.

Въ три кончается завтракъ. Въ 6 обѣдъ. Въ восемь часъ съ сѣдываніемъ. Въ 10 лоднъ закуска.

Въ уану въ 12 ч. иногда приглашаются сотрудники «Варшавскѣхъ Вѣдомостей» или «Отнохъ».

Это очень разнообразно столъ.

Въ 2—3 часа кончается уану; въ пять минутъ съ послѣдъ, а въ пять съ половиною его супруга вѣдуръ уже снова можно видѣть за письменнымъ столомъ, и мысли его витаютъ надъ снапѣй Россіи.

Что будучъ писать «Нов. Вр.» и «Бирж. Вѣд.» послѣ отъяснѣ Н. А. Макалова (а вѣдъ когда нибудъ и у него найдется прѣемникъ), пока конечно неизвѣстно, но примрѣ съ г. Макаровичемъ заставляетъ думать, что тогда плавовъ окажется меньше, а часовъ сна немного... побольше. На то и флюгера, чтобы улавливать направленіе вѣтра.

Послѣднія извѣстія.

При отъѣздѣ Макалова изъ Чернигова среди другихъ депуатій депуатія отъ союзниковъ поднесла новому министру адресъ, въ которомъ между прочимъ сказано, что благодаря г. Макалову союзники укрѣпились въ Черниговѣ. (Р. С.)

— Съ назначеніемъ Н. А. Макалова на постъ министра внутреннихъ дѣлъ въ Ясной Полянѣ вновь зародился надежда, что будетъ переметривъ вопросъ о покупкѣ Ясной Поляны правительствомъ. Основаніемъ для этихъ надеждъ являются родственныя связи, связывающія новаго министра съ семьей Толстѣхъ. На дняхъ выѣхалъ одинъ изъ сыновей Толстого, какъ говорившій, затѣмъ, чтобы возобновить свои связи съ новымъ министромъ. (Р. С.)

— Возбужденіе жандармскими властями дѣло по обвиненію 138 матросовъ черноморскаго флота въ составленіи сообщенія для испроверженія умственаго строя, по распоряженію изъ Петербурга, прекращено, за отсутствіемъ достаточныхъ поводовъ къ обвиненію. (Р. С.)

— «Рѣчь» сообщаетъ о сѣдующемъ недоразумѣніи: Въ сельскохозяйственномъ институтѣ въ Новой Александріи имѣются два преподавателя по фамили Смирновы съ одинаковыми именами и отчествами. Одинъ Смирновъ—почвовѣдъ, а другой—зоотехникъ. Министръ народнаго просвѣщенія Кассо рѣшилъ почвовѣда Смирнова назначить профессоромъ, но, обремененный заботами о замѣщеніи кафедръ профессоромъ по назначенію, второпилъ назначить на кафедру почвовѣдѣнія зоотехника Смирнова. Институтъ своевременно былъ официально извѣщенъ о назначеніи зоотехника профессоромъ по кафедрѣ почвовѣдѣнія. Поставленныи этимъ назначеніемъ въ крайне затруднительное положеніе, институтъ поставилъ министерство въ извѣстности о происшедшей ошибкѣ. Въ министерствѣ теперь гадаютъ, какъ выйти изъ создаваемаго положенія.

— Совѣтъ създады представительной торговли и промышленности, въ виду наступившихъ къ нему заявленій отъ московскаго биржеваго комитета, послѣдняго всероссійскаго създады горнопро

